

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Кристофер Голден	9
Лучший современный хоррор	15
Призрак двадцатого века	49
Схлоп-Арт	77
Когда поет саранча	107
Сыны Абрахама	139
Лучше, чем дома	169
Черный телефон	199
Между базами	225
Накидка	247
Последний выдох	277
Деревья с того света	291
Завтрак у вдовы	295
Бобби Конрой восстает из мертвых	313
Отцовская маска	343
Добровольное изгнание	375
Выражение признательности	440

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современный хоррор не всегда интеллектуален. Многие авторы, пишущие в этом жанре, пытаются сразу бить в уязвимое место своего читателя, забывая о том, что самый опасный хищник приближается не торопясь. Ничего плохого в подобном подходе, разумеется, нет, однако настоящий талантливый художник всегда имеет несколько козырей в рукаве.

Между прочим, не все рассказы «Призраков двадцатого века»* написаны в жанре хоррора. В некоторых произведениях автор мечтательно расскажет о сверхъестественном, в других мы увидим вполне современные тенденции, и они вызовут у читателя мрачную тревогу. Есть и такие, которые вас совсем не напугают; напротив, это милые маленькие истории. Рассказы, включенные в книгу, объединяет тонкость восприятия автора. Джо Хилл — хищник, крадущийся на мягких лапах. Интеллектуален даже рассказ, в котором Джо повествует о мальчишке, превращающемся в гигантское насекомое. Положа руку на сердце — часто ли мы можем сказать такое о хорроре?

---

* «Призраки двадцатого века» — первоначальное название этого сборника рассказов. Сейчас он переименован и издается под названием «Черный телефон». Это связано с экранизацией одноименного рассказа, премьеры которой состоится в июне 2022 года (прим. издателя).

Впервые я наткнулся на имя Джо Хилл в списке авторов антологии Джейн Кавелос под названием «Многоликий ван Хельсинг». В том сборнике публиковался и один из моих рассказов, однако, признаюсь, произведения остальных авторов я не прочел. И вот наступил вечер встречи с читателями в массачусетском «Пандемониуме», тематическом книжном магазине. Там присутствовали Джо Хилл, Том Монтелеоне, Джейн Кавелос и ваш покорный слуга.

Мы пообщались, и Джо (до того дня я вообще его не читал) меня удивил, сказав, что хоррор любит, однако у него имеются и другие интересы. Он уже публиковался в стиле мейнстрим в *литературных* журналах (литературными их можно считать лишь с большой натяжкой) и даже получал кое-какие премии. Тем не менее Джо снова и снова возвращался к хоррору и мрачному фэнтези.

Скажи ему за это спасибо, читатель. В любом случае, надеюсь, ты сделаешь это, прочитав данную книгу.

Рано или поздно я взялся бы за «Многоликого ван Хельсинга», просто встреча с Джо Хиллом заставила меня прочесть его незамедлительно. Вкладом Джо Хилла в антологию стал рассказ «Сыны Абрахама», посвященный жутковатому, своеобразному испытанию для детей, внезапно понявших (как это нередко бывает), что их отец не идеален. Прочитав рассказ, я невольно сравнил его с одним взволновавшим меня фильмом под названием «Пророк». «Сыны Абрахама» — потрясающая история. В данной книге вы найдете его ближе к середине. Вещица была настолько хороша, что я задумался: не почитать ли мне еще Джо Хилла? Однако он публиковал лишь рассказы, да и то в та-

ких изданиях, на которые я не мог набрести даже случайно. И все же я сделал себе заметку: на этого автора следует обратить внимание.

Когда Питер Краузер спросил меня, не хочу ли я почитать «Призраков двадцатого века» и заодно написать вступление, отказаться я не мог. Со временем было не очень — я много писал, требовали моего участия семейные дела, однако мне отчаянно захотелось прочитать книгу Джо Хилла. Действительно ли Джо так хорош, как обещали мне «Сыны Абрахама»?

Нет, он был не *так хорош*.

Он был куда лучше, чем я ожидал.

У книги весьма подходящее название. Во многих рассказах мы в той или иной форме встретим призраков, в других — услышим отголоски прошлого столетия. В рассказе «Когда поет саранча» сочетается увлеченность автора научной фантастикой и память о страшной кинохронике пятидесятых, демонстрирующей ужасы применения ядерного оружия. В произведении Джо Хилла прекрасное владение предметом вылилось в своеобразную смесь черного юмора и предельной задушевности.

Особое звучание выбранному названию книги придает личность автора. В данной работе присутствует элегантность и теплота, присущая предшествующему поколению писателей — Джоан Эйкен и Амброзу Бирсу, Бомонту, Матесону и Роду Серлингу. Действуя в лучших традициях, Хилл призывает читателя фантазировать, обеспечивая необходимый эмоциональный отклик, который дает возможность назвать произведение успешным. И обратной связи автор добивается мастерски, читатель становится невольным соучастником действия. «Лучший современный хоррор»,

с которого мы и начнем читать книгу, сразу заявляет о некоем привычном стандарте; мы с вами немедленно поймем, к чему ведет автор. В данном случае это — не фиаско, это огромное достижение. Именно за счет ожидания предсказуемого финала рассказ и достигает нужного эффекта.

Хилл заманивает читателя доверительной тональностью «Призрака двадцатого века» и обрушивает на него отчаяние «Черного телефона». Читатель, по сути, становится действующим лицом сюжета, разделяющим переживания героев.

Многие авторы считают, что в хорроре нет места сентиментальности, что эмоциональный отклик читателя определяется лишь авторскими ремарками. У Джо Хилла все иначе. Как ни странно, одним из лучшим образцов его мастерства стал рассказ «Бобби Конрой восстает из мертвых», который вовсе не является хоррором, и тем не менее ложится в основу действия при съемках ремейка ставшего классикой жанра фильма Джорджа Ромеро «Рассвет мертвецов».

Мне бы хотелось отдельно остановиться на каждом рассказе, однако не стану портить вам удовольствие, рассказав во вступлении слишком много. Мне и самому хотелось бы забыть о том, что я уже читал «Призраков...». Я бы с огромным удовольствием вновь прочел книгу как в первый раз.

«Лучше, чем дома» и «Деревья с того света» — изумительно красивые истории. «Завтрак у вдовы» — трогательный слепок с иной эпохи, моментальный снимок человека, потерявшегося в этой жизни.

«Призрак двадцатого века» вызывает ностальгию, подобно моим любимым сериям «Сумеречной зоны». «Когда поет саранча» — это свое-

образный симбиоз из творчества Уильяма Берроуза, Кафки и фильма «Они!». В «Последнем выдохе» мы обнаружим легкий привкус Брэдли. Каждый из этих рассказов чудесен, некоторые — ошеломляюще хороши. «Отцовская маска» — таинственная и волнующая вещь; прочитав ее, я ощутил нечто вроде головокружения.

«Добровольное изгнание» — рассказ, завершающий сборник, — одна из лучших новелл, которые я когда-либо читал, что говорит о зрелости Джо Хилла в качестве автора коротких рассказов. Нечасто бывает, когда на этапе первой же книги мы получаем полностью сформировавшегося мастера.

А если и бывает... Знаете, у меня после «Добровольного изгнания» возник внутренний конфликт: с одной стороны — эйфория, с другой — желание задать автору хорошую взбучку, настолько хорош рассказ.

Что же до «Схлоп-Арта»... это необыкновенная история. Лучшая за многие годы моей профессиональной деятельности. В ней сошлись все достоинства Джо Хилла, который на нескольких страничках способен уместить и нежность, и сложность, и некую странность.

Приветствуя рождение нового автора, фанаты, критики и прочая публика задумываются: что обещает им его дальнейшее творчество? Каков его потенциал?

Рассказы сборника «Призраки двадцатого века» красноречиво отвечают на подобные вопросы.

*Кристофер Голден
Брэдфорд, Массачусетс
15 января 2005 г.*

Новая редакция: 21 марта 2007 г.

ЛУЧШИЙ

СОВРЕМЕННЫЙ

ХОРРОР

За месяц до сдачи сборника Эдди Кэррол открыл бумажный конверт, и на стол выскользнул журнал «Северное литературное обозрение». Эдди нередко получал журналы по почте — с названиями типа «Кладбищенский карнавал». Часто приходили и рукописи. Его дом в Бруклине превратился в склад подобной литературы, громоздившейся неопрятными кучами на диване и на столике с кофеваркой. Сплошной хоррор... Немыслимо прочесть все, что тебе поступает, однако, заступив на должность редактора «Лучшего современного хоррора Америки», Эдди такую попытку предпринял. Ему тогда только перевалило за тридцать.

Больше трети своей жизни он потратил на работу с антологиями, сдав в печать шестнадцать выпусков альманаха. Тысячи часов ушли на чтение, редактирование и подготовку ответов авторам. Тысячи часов, которые никто тебе не вернет...

Со временем Эдди особенно возненавидел поступающие с почтой журналы, презируя оседавшую на руках дешевую типографскую краску и ее мерзкую вонь. Экономией на материалах грешили многие издания.

Большую часть лежащейся на редакторский стол мазни Эдди не дочитывал — просто не находил в себе сил. При одной мысли об очеред-

ном рассказе о вампирах, предающихся плотской любви, накатывал приступ слабости. Он честно пытался продраться сквозь стилизацию под Лавкрафта, однако при первом же удручающе серьезном упоминании о Верховных Богах у него что-то немело внутри — так отнимается рука или нога перед insultом. Эдди пугался: неужто дожидался до паралича души?

Вскоре после развода обязанности редактора «Лучшего современного хоррора» превратились для него в утомительную и безрадостную повинность. Не бросить ли все к черту? Подобные мысли добавляли легкого оптимизма, однако всерьез Эдди об этом не помышлял. На его счет в банке ежегодно поступало двенадцать тысяч долларов. В основном доход складывался из гонораров за составление антологий плюс кое-что капало за публичные лекции и занятия со студентами. Без стабильной подпитки его ждал худший из возможных сценариев: придется искать работу.

Название выпавшего из конверта журнала ни о чем не говорило. Обычное литературное издание с фотографией склонившихся под ветром сосен на шершавой обложке. Штамп на последней странице заявлял, что обозрение издается университетом Катадина. Северная часть штата Нью-Йорк... Эдди перевернул обложку, и в руки ему упали два скрепленных степлером листа — письмо от главного редактора, преподавателя английской литературы Гарольда Нунана.

Прошлой зимой на Гарольда вышел человек, работавший в университете лаборантом на полставки — некто Питер Килрю. Прослышав, что Нунана назначили главным редактором журнала, и тот принимает заявки на публикацию, Килрю

попросил его взглянуть на свой рассказ. Нунан пообещал — больше из вежливости. Однако, прочитав рукопись под названием «Мальчик с пуговицами: история любви», он был поражен богатством и силой языка автора, а также жутковатым сюжетом. Для Гарольда работа редактора была внове. Прежний главный, Фрэнк Макдейн, ушел на пенсию, отработав в журнале двадцать лет, и Гарольду хотелось несколько изменить приоритеты, обратившись к литературе, которая встряхнула бы тихую читательскую аудиторию.

«Вероятно, я в этом преуспел», — писал он. Вскоре после публикации «Мальчика...» глава факультета английской литературы в частном разговоре раскритиковал нового главного редактора, сказав, что тот превратил журнал в площадку для примитивного эпатажа, присущего молодежной культуре. Почти пятьдесят человек отказалось от подписки — не шутка для издания с тиражом около тысячи экземпляров. Одна из выпускниц университета, в основном финансировавшая «Литературное обозрение», впав в ярость, остановила спонсорские перечисления.

Нунану пришлось уволиться, и пенсионер Фрэнк Макдейн, откликнувшись на призыв общественности, согласился курировать журнал.

Письмо Нунан завершил так:

«Продолжаю придерживаться мнения (пусть и спорного), что «Мальчик с пуговицами» — замечательная, хотя и шокирующая литературная находка. Надеюсь, вы найдете время для его прочтения. Не стану скрывать: если вы решитесь опубликовать рассказ в следующей антологии лучших произведений в жанре хоррора, я сочту это своеобразной реабилитацией своего честного имени.

Пожелал бы вам насладиться рассказом, однако боюсь, что "наслаждаться" — не самое подходящее слово.

С наилучшими пожеланиями, Гарольд Нунан».

Эдди прочел письмо в прихожей и, не раздеваясь, открыл страницу с началом рассказа. Через пять минут ему стало жарко, и, бросив куртку на крючок, он переместился на кухню.

Устроившись на ступеньках поднимающейся из кухни лестницы, Эдди пробежал несколько страниц. Машинально перебрался на диван в кабинете, откинув голову на стопку книг, и продолжил чтение под косыми лучами слабенького октябрьского солнца.

Он на одном дыхании дошел до конца и выпрямился, словно опьянев от странного восторга. настолько жесткой, если не сказать — отвратительной — прозы ему встречать еще не доводилось, а это кое о чем говорило. В профессиональной жизни через его руки проходила разная литература — была и жесткая, и отвратительная. Порой в этом болезненном, засиженном трупными мухами болоте вырастал цветок невероятной красоты. Сегодня был тот самый случай. Новый цветок оказался злым и испорченным, однако Эдди желал его сорвать. Он вернулся к началу и вновь углубился в повествование.

Главная героиня — замкнутая семнадцатилетняя девушка по имени Кейт, которую в начале рассказа затаскивает в свою машину настоящий великан с болезненно-желтыми глазами и железными брекетами во рту. Гигант связывает ей руки и пихает на пол между сиденьями мини-фургона, а там уже лежит парнишка примерно ее возраста.

Кейт решает, что мальчик мертв — уж очень тот изуродован. К его стянутым стальной проволокой векам грубо пришпилены круглые желтые пуговицы с изображением улыбающейся рожицы.

Парнишка неожиданно оживает, касаясь рукой бедра Кейт. Та захлебывается беззвучным криком, а мальчик продолжает шарить по ее телу, наконец добирается до лица, и шепчет: его зовут Джим, с гигантом он таскается по дорогам уже неделю — с тех пор, как тот убил его родителей.

«Он проколол мне глаза и заявил, что моя душа вылетела сквозь дырки. Мол, он слышал такой звук, какой бывает, когда дунешь в пустую бутылку из-под колы. Говорит, слушал бы и слушал. А потом воткнул мне в глазницы эти заглушки — чтобы жизнь не утекла из тела». Мальчик касается желтых смайликов. «Хочет посмотреть, сколько мне удастся прожить без души».

Великан привозит своих жертв в заброшенный кемпинг в одном из национальных парков, где заставляет их предаваться сексуальным утехам. Ему кажется, что Кейт, целуя Джима, проявляет недостаточно страсти, и он ударом ножа распарывает девушке щеку, вырезая язык. Джим в испуге визжит, на ощупь мечется по кемпингу; кругом кровь, и Кейт в суматохе удается сбежать в лес. Через несколько часов окровавленная, истерически рыдающая девушка выходит к шоссе.

Задержать похитителя не удастся — они с Джимом выезжают из парка и словно испаряются. У следователей нет ни одной улики, они понятия не имеют, кто такой Джим, о великане известно еще меньше.

Через пару недель после выхода из больницы Кейт получает письмо. В конверте обнаружива-

ется единственная улика следствия — две пуговицы с улыбающимися рожицами и торчащими из отверстий обломками окровавленной стальной проволоки. Там же лежит моментальный снимок моста в Кентукки.

На следующее утро под мостом находят страшно изувеченного мальчика, в пустые глазницы которого неторопливо заплывают речные рыбки.

Кейт, некогда привлекательная девушка, теперь внушает знакомым жалость и неподдельный ужас и отдает себе отчет, что чувствуют при встрече окружающие. Отражение в зеркале оптимизма также не добавляет. Ей приходится посещать специальную школу, где учат общаться на языке жестов, однако долго Кейт там не выдерживает: товарищи по несчастью — глухие, хромые и увечные — лишний раз напоминают ей о слабости и зависимости калек от общества.

Девушка пытается вернуться к нормальной жизни, однако особыми успехами похвастаться не может. Близких друзей она не завела, профессионального образования не имеет, к тому же комплексует по поводу собственной внешности и немоты. Автор с особой болью описал сцену, где Кейт, выпив для смелости, заигрывает в баре с незнакомым мужчиной, получая в ответ лишь насмешки от своего избранника и его компании.

Ее преследуют ночные кошмары, в которых она снова и снова проживает страшные и порой выдуманные обстоятельства своего похищения. Иногда Джим оказывается не жертвой преступления, а соучастником; он насилует Кейт, и пуговицы в его глазах превращаются в зеркальные диски, отражающие ее искаженный криком рот. Бывает, что кошмары производят на Кейт возбуждающий

эффект, однако психотерапевт уверяет: это в порядке вещей. Девушка отказывается от услуг врача, обнаружив, что тот во время разговора рисует в блокноте жутковатую карикатуру.

В попытке избавиться от навязчивых сновидений она пробует все подряд: спиртное, таблетки и даже героин. Наркотики требуют денег, и она залезает в тумбочку к отцу. Тот застигает Кейт за попыткой кражи и выбрасывает ее из дома, после чего попадает в больницу с микроинсультом. Мать умоляет Кейт больше не попадаться ему на глаза. Вскоре в центре ухода за детьми-инвалидами, где подрабатывает девушка, происходит неприятный инцидент: один из детей выкалывает острым карандашом глаз товарищу по несчастью. Все понимают, что Кейт в случившемся невиновна, однако беда не приходит одна: в центре ухода становится известно о ее пагубном пристрастии к наркотикам. Героиня теряет место, и, даже избавившись от зависимости, новой работы найти не может.

Холодным осенним днем, выходя из местного супермаркета, Кейт натывается на полицейскую машину с поднятым капотом. Полисмен в зеркальных солнечных очках изучает перегревшийся радиатор. Мельком бросив взгляд на заднее сиденье, девушка видит там постаревшего на десять лет и прибавившего в весе великана. Кисти преступника скованы наручниками.

Приблизившись к полицейскому, копающемуся в моторе, Кейт пишет записку: знает ли тот человека, сидящего на заднем сиденье? Инспектор объясняет, что великана задержали за кражу охотничьего ножа и мотка скотча из хозяйственного магазина на Плезант-стрит.

Кейт знает, о каком магазине идет речь, поскольку живет по соседству, и у нее подкашиваются ноги.

Она начинает бешено строчить в блокноте, пытаясь рассказать, что сделал с ней гигант десять лет назад. Ручка не успевает за мыслями; записки выходят сумбурными, и все же полицейский вроде бы ухватывает суть написанного и ведет ее к передней дверце. Кейт охватывает непреодолимый ужас — придется ехать в одной машине с похитителем. Инспектор напоминает, что руки гиганта надежно прикованы к дверце — причинить ей вред он никак не сможет. Очень важно немедленно разобраться с этим делом в полицейском участке.

Наконец Кейт дает себя уговорить. Под сиденьем лежит зимняя куртка, и полицейский настаивает, что дрожащая девушка должна ее накинуть. Она благодарно смотрит на патрульного, заносит ручку над блокнотом — надо сказать «спасибо» доброму человеку — и вдруг замирает, рассмотрев свое отражение в зеркальных очках.

Захлопнув дверцу, полицейский возвращается к двигателю, а девушка, застегивая онемевшими пальцами чужую куртку, обнаруживает на ее груди две пуговицы с улыбающимися рожицами. Она дергает за ручку дверцы: та заперта. Пытается открыть окно — ничего не выходит. Снаружи хлопает капот, и на лице человека в зеркальных очках появляется отвратительная ухмылка. Он вовсе не полицейский...

Мальчик с пуговицами обходит машину, открывая заднюю дверь, и выпускает гиганта наружу — ведь слепой, как ни крути, не может сидеть за рулем.

В густом лесу человек теряет ориентиры, начиная ходить по кругу, — именно так чувствует себя Кейт. В свое время ей удалось сбежать от мальчика с пуговицами и страшного гиганта. Однако из чащи она так и не выбралась и продолжает блуждать в темноте, цепляясь за кустарник и описывая бесцельные круги. В итоге она неминуемо попадет туда, куда и должна была попасть. Жуткая мысль, как ни странно, успокаивает девушку. Наверное, ей на роду написано остаться с этими чудовищами. Кейт даже испытывает облегчение — хоть какая-то определенность... Она расслабляется, завернувшись в теплую куртку.

Эдди нисколько не удивился, что Нунана подвергли обструкции за «Мальчика с пуговицами». Рассказ, по сути дела, был посвящен деградации человеческого существа — в данном случае женщины, и героиню автор выписал как добровольную жертву жестокого обращения во всех возможных сферах: эмоциональной, сексуальной и духовной. Тема сама по себе нехорошая, однако Джойс Кэрол Гейтс также писала подобные рассказы для журналов, ничем не отличающихся от «Северного литературного обозрения», да еще и получала за это литературные премии. Единственным непростительным грехом Килрю стал провокационный конец истории.

Эдди понимал, к чему ведет автор. Прочитав едва ли не десять тысяч рассказов в жанрах мистики и хоррора, он полагал, что утратил способность удивляться — и все же от чтения «Мальчика с пуговицами» получил удовольствие. В то же время в среде знатоков эпатажные финалы (независимо от мастерства писателя) считались

признаком инфантильной коммерческой литературы и плохих телевизионных сериалов. Читатели «Северного литературного обозрения», как представлялось Эдди, были людьми средних лет, учеными, преподававшими творчество Гренделя и Эзры Паунда и вынашивающими неизбывные мечты о публикации собственных стихов в каком-нибудь «Нью-Йоркере». Для них шокирующая развязка оказалась сродни оконфузившейся балерине, громко испортившей воздух во время «Лебединого озера» — провал настолько оглушительный, что ничего, кроме нервного смеха, не вызывает. Одно из двух: либо Гарольд Нунан был издателем еще неискушенным, не понимающим, что его читатель бежит от грубой реальности, либо подсознательно рассчитывал на последующее увольнение.

26

Концовка рассказа была скорее в духе традиций Джона Карпентера, чем Джона Апдайка. И все же Эдди не удавалось припомнить аналогичных решений в каком-либо из журналов, посвященных хоррору, во всяком случае — в последнее время. Двадцать пять страниц поданной с исключительным натурализмом истории женщины, пострадавшей в юности и пронесшей комплекс вины выжившего через десяток лет? Автор явно хотел привлечь внимание читателя к таким явлениям, как тираннические отношения в семье, паршивая работа и постоянное безденежье. Надо сказать, очень редко встречаются рассказы, столь искусно повествующие о хлебе насущном. Как правило, писатели, работающие в жанре хоррор, не поднимались выше живописаний кровоточащих кусков мяса.

Эдди было одиннадцать, когда родители отвели его на «Привидения» в орегонском теа-

тре. В зале он сидел в компании двоюродных братьев, однако, едва погасили свет, братишек поглотила тьма. Эдди остался один, запертый в собственном душном ящике с мечущимися тенями. Несколько раз он ловил себя на желании зажмуриться — и все же справлялся, хотя сердце так и колотилось от испуга, смешанного с наслаждением. Наконец включили свет. Нервы Эдди звенели, словно туго натянутые веревки — так бывает, когда коснешься оголенного провода. С тех пор он не переставал желать подобных ощущений.

Много лет спустя, когда Эдди уже профессионально занимался литературой, чувство, испытанное в театре, притупилось — не ушло совсем, но стало далеким отголоском. В последнее же время отступил и он, сменившись атрофией восприятия. Разглядывая кипу журналов на кофейном столике, Эдди не ощущал ничего, кроме тупой скуки. Хотя нет. Наверное, его посещал страх, хотя и далеко не в привычном его понимании.

Сегодня все было иначе: он находился под огромным впечатлением. «Мальчик с пуговицами» по-настоящему взял его за душу. Случалось ли ему публиковать хоть раз нечто подобное? Эдди стянул с книжной полки самый первый и до сих пор непревзойденный номер «Лучшего современного хоррора», попытавшись вспомнить, что взволновало его больше всего в той антологии. Глянув на оглавление, он тут же перелистнул страницу. Первый выпуск был посвящен его бывшей жене, Элизабет. «*Она помогает мне найти дорогу во тьме*», написал он тогда в головокружительном приступе нежности.

Больше года Элизабет спала с их инвестиционным консультантом. Эдди уличил жену в измене, а она собрала чемоданы и уехала к матери, забрав с собой Трейси.

— Знаешь, а я почти рада, что ты нас застукал, — призналась она через пару месяцев по телефону. — Наконец с этим покончено!

— С твоим романом? — спросил Эдди.

Никак хочет сообщить, что рассталась с банкиром?

— Нет, — ответила Лиззи. — Я имею в виду твой омерзительный хоррор и тех отморожков, что приходили в наш дом — маленьких потных слизняков, возбуждающихся от трупов. Развод — лучшее, что могло со мной случиться. Надеюсь, теперь у Трейси нормальное детство, а я буду общаться исключительно с нормальными, переросшими подростковый возраст людьми.

Мало того что Лиззи трахалась за его спиной, — она еще и попрекала его детством Трейси. У Эдди тогда просто перехватило дыхание от злости, и до сих пор в горле вставал ком, стоило вспомнить тот разговор. Он швырнул сборник обратно и побрел на кухню. Пора обедать. Возбуждение, не находившее выхода, наконец спало. Спасибо Лиззи — бывшая жена порой выручает, пусть между ними теперь сорок миль и постель другого мужчины.

После полудня Эдди отправил электронное письмо Нунану, попросив того поделиться контактами Килрю. Не прошло и часа, как Гарольд перезвонил. Ему приятно, что мистер Кэррол заинтересовался «Мальчиком с пуговицами» для

своей антологии. Нет, электронной почтой автора он не располагает, зато знает его домашний адрес и телефон.

Эдди отправил письмо Питеру Килрю, однако конверт вернулся со штампом «Не доставлено». Набрал номер телефона. «Линия отключена». Он снова позвонил Нунану в университет.

— Не могу сказать, что вы меня удивили, — тихо и несколько смущенно заговорил Гарольд. — У меня сложилось впечатление, что Питер — бродяга: по-моему, ему вечно не хватает денег, и он берет подработки — то там, то здесь. Наверное, лучше вам связаться с руководителем лаборантов — Мортонем Бойдом. Наверняка у него есть данные Килрю.

— Когда вы его последний раз видели?

— Заезжал к нему в марте — как раз после того, как вышел «Мальчик с пуговицами» и разразился скандал. Говорили, что рассказ написал настоящий женоненавистник, требовали от автора письменных извинений, ну и тому подобное. Хотел сообщить ему, что тут происходит. Наверное, даже рассчитывал, что Питер осадит критиков, станет защищаться — напишет, например, в студенческую газету, однако он заявил, что не намерен проявлять слабость. Станный получился у нас разговор. Питер вообще странный парень, и дело даже не в его рассказах.

— О чем вы?

— Сам не пойму, — засмеялся Нунан. — Как бы это сказать... Знаете, бывает, лежишь с высоченной температурой и вдруг помотришь на обычный предмет типа настольной лампы, а она тает или уплывает вдаль. Встречи с Питером Килрю вызывают именно такое ощущение.

Не знаю, в чем причина. Наверное, меня несколько пугают его интересы.

Автор нравился Эдди все больше и больше.

— Например?

— Когда я приехал, дверь открыл его старший брат. Парень был полураздет; думаю, они живут вместе. Так вот, этот брат — не хочу показаться бестактным — ошеломляюще толст. С ног до головы в татуировках. На животе у него красовалась ветряная мельница со свисающими с лопастей полуразложившимися трупами. А на спине я углядел татуировку эмбриона с длинными клыками и черными пятнами вместо глаз. Ах, да, в руке у зародыша был скальпель.

Эдди неуверенно засмеялся.

— Впрочем, в итоге он оказался неплохим парнем, — продолжил Нунан. — Вполне дружелюбным. Угостил меня содовой, и мы уселись на тахте перед телевизором. Что самое забавное — прямо во время разговора, пока я рассказывал о буче в университете, Питер, усадив брата на пол, проколол ему ухо под пирсинг.

— То есть?

— Клянусь! Я выдаю подробности, а Питер тем временем втыкает ему раскаленную иглу в верхнюю часть уха. Кровищи было — не поверите! Когда толстяк поднялся, мне показалось, что ему пуля попала в висок — такое открылось кровотечение. Помните финал «Кэрри», где героев облили кровью из ведра? А этот встает и предлагает мне еще кока-колы...

На этот раз они расхохотались в унисон. Немного помолчали, и Нунан неожиданно выпалил:

— Они смотрели передачу про Джонстаун.

— Что?

— По телевизору шел документальный фильм про тот поселок во Французской Гайане, где сотни людей добровольно ушли из жизни. Пока мы общались, а Питер дырявил брату ухо, звук он выключил. По экрану бежали кадры с улицами, полными трупов, с птицами, рвущими останки... — Нунан тяжело сглотнул. — По-моему, это была запись из их домашней видеотеки — похоже, пленку парни закольцевали. Уставились в телевизор, словно зомби.

Вновь повисла тишина. Очевидно, Нунану стало неловко за свой рассказ. Вероятно, Килрю искал вдохновение, с невольным уважением подумал Эдди.

— Считаете, что «Мальчик с пуговицами» — выдающийся образец современной литературы? — поинтересовался Нунан.

— Именно так.

— Не знаю, что скажет Питер по поводу включения «Мальчика» в антологию, но мне это было бы очень приятно. Надеюсь, я вас не слишком напугал.

— Я не из пугливых, — улыбнулся Эдди.

Бойд из университета мало чем помог.

— Питер рассказывал, что его брат занят на площадке коммунального строительства в Покипси. То ли там, то ли в Ньюберге. Питер вроде хотел к нему присоединиться. Подобная работа неплохо оплачивается, и, если уж ты попал в эту сферу, никто тебя не уволит. Можешь быть маньяком-убийцей — кого волнует?

Услышав про Покипси, Эдди заинтересовался. На конец месяца в городке был запланирован небольшой конгресс для авторов, работающих в жанре фэнтези — то ли «Темный ВандерКон»,

то ли «Темный ДримКон». Да хоть «МастурбатКон» — неважно. Важно, что Эдди приглашали поучаствовать, а он плевать хотел на поступающие от организаторов письма. Его больше не интересовали незначительные конгрессы, да и со временем не складывалось — поджимали сроки на работе.

Впрочем, он каждый год посещал Всемирную премию фэнтези, старался не пропускать летний лагерь «Камп НеКон», не брезговал и некоторыми регулярными встречами по интересам. Подобные конвенты были частью работы, от которой он пока не отмахивался — туда приезжали приятели, да и Эдди в глубине души любил такие мероприятия. Там пробуждались приятные воспоминания.

Как-то он встретил на одном из конгрессов человека, предложившего купить первое издание «Я люблю Гейлсбург весной». Эдди давным-давно забыл о существовании этого произведения, однако, глянув на хрупкие пожелтевшие страницы, пропитанные ароматами бабушкиных чердаков и многолетней пыли, замер. На него нахлынули пережитые в детстве чувства. Он читал этот сборник в тринадцать лет и целых две недели жил в состоянии восторга: выбирался из спальни на крышу, лишь бы не расставаться с книгой, не слышать, как бранятся и дерутся родители. Эдди до сих пор помнил запах шершавой, раскаленной от солнца черепицы и далекое жужжание газонокосилки. А лучше всего отложилось в памяти счастливое удивление после невероятного романа Джека Финнея «Десять центов Вудро Вильсона».

Эдди позвонил на стройку в Покипси; звонок перевели на отдел кадров.

— Килрю? Арнольд Килрю? Его сократили с полгода назад, — уведомил мужчина с пронзи-

тельным и в то же время хриплым голосом. — Вы ведь представляете, насколько сложно здесь добиться увольнения? Это первый человек за многие годы, которого мне пришлось отпустить. Арнольд скрыл свое уголовное прошлое.

— Нет, меня интересует Питер Килрю, вероятно, они братья. Не припомните, этот Арнольд — толстяк, покрытый татуировками?

— Вовсе нет. Худой жилистый парень, однорукий. Левую руку потерял, работая на прессе — судя по его рассказам.

— Вот как... — пробормотал Эдди.

Судя по всему, Арнольд просто обязан быть родственником Питера Килрю.

— А что конкретно вы о нем узнали?

— Арнольд нарушил защитное предписание суда.

— Бракоразводный процесс? — предположил Эдди, невольно сочувствуя осужденному, пострадавшему от железной хватки адвокатов бывшей жены.

— Ни черта подобного, — откликнулся менеджер. — Ему запретили приближаться к собственной матери. Что вы на это скажете?

— Вы не в курсе, они случайно не родственники с Питером Килрю? Как можно связаться с Арнольдом?

— Я ему в личные секретари не нанимался, приятель. Больше вопросов нет?

Больше вопросов у Эдди не было.

Он попытал счастья в справочной службе, обзвонив всех людей в районе Покипси, носящих нужную ему фамилию, однако никто не сознался в родстве с Питером Килрю, и Эдди прекратил

поиски. Прибрался в кабинете, не глядя скомкал бумажки на столе, побросав их в мусорную корзину, и переложил стопки книг из одного угла в другой. Идеи иссякли. Терпение — тоже.

Ближе к вечеру он рухнул на диван, собираясь с мыслями, и, продолжая злиться, задремал. Во сне гонялся за мальчишкой, укравшим у него ключи от машины в совершенно пустом кинотеатре. Парнишка — почему-то черно-белый — мерцал, словно привидение или герой старинного кинофильма, и никуда не торопился, помахивая ключами над головой. Под его истерический смех Эдди и проснулся.

Покипси...

Питер Килрю жил где-то в этой части штата Нью-Йорк и наверняка появится в субботу на «Темном ФутурКоне». Вряд ли он устоит. Кто-нибудь да познакомит его с Эдди. Просто нужно появиться на конвенте, и они точно встретятся.

Остаться на ночь Эдди не планировал — ехать было всего четыре часа. Выедет пораньше, вернется поздно вечером. В шесть утра он уже гнал восемьдесят миль в час по левому ряду шоссе 1 — 90. За спиной вставало солнце, бросая слепящие блики в салонное зеркало. Шикарные ощущения: вжимаешь педаль в пол, и машина летит на запад, преследуя собственную тень. Через некоторое время Эдди вспомнил одну маленькую девочку, которая должна была сидеть рядом, и снизил скорость. Очарование дорогой куда-то ушло.

Трейси любила ездить с отцом на подобные конгрессы. Собственно, от такого приключения не отказался бы ни один ребенок. Зрелище что

надо: взрослые корчат из себя дураков, переодеваясь в Пинхеда или в Эльвиру. Как тут устоишь? Лабиринты столов, зловещие экспонаты — не заблудиться бы! А еще можно купить за доллар резиновую отрубленную руку. Как-то раз Трейси целый час играла в пинбол с Нилом Гейманом на Всемирной премии фэнтези в Вашингтоне. До сих пор переписываются.

Добрался Эдди к полудню. Площадку конгресса устроили в концертном зале. Народу было полно, и от бетонных стен рикошетило эхо немолчного гула толпы, перемежаемого взрывами хохота. Эдди не стал объявлять о своем приходе, и тем не менее одна из организаторов — пухленькая женщина в пиджаке в тонкую полоску с длинными фалдами — тут же его заприметила.

— Даже не надеялась! — воскликнула она, потрянув кудрявой рыжей шевелюрой. — Вы ведь нам так и не ответили. Что-нибудь выпьете?

Ему в руку немедленно втиснули бокал кока-колы с ромом. Вокруг собралась кучка желающих поболтать по поводу кинематографа, литераторов и «Лучшего современного хоррора». Эдди уже не понимал, как это ему пришло в голову пренебречь таким мероприятием. Кто-то из приглашенных лекторов как раз опаздывал на круглый стол, посвященный малым формам в хорроре. Надо же, какая удача! Хотя...

Его провели в конференц-зал, заставленный складными стульями, усадив за длинный стол, на краю которого примостился запотевший графин с водой. Рядом устроились другие участники: учитель, написавший книгу об Эдгаре По, редактор сетевого журнала и местный писатель, подвизающийся на детском фэнтези. Рыжеволосая

женщина представила их паре десятков людей, заполнивших зал, и дала слово для короткой вступительной речи. Эдди выступал последним.

Он начал с того, что каждое литературное произведение несет в себе заряд фэнтези, а любой конфликт или ощущение опасности, вводимое автором в повествование, является зародышем хоррора. А хоррор в чистом виде сочетает в себе большинство основных элементов литературы, доводя их до крайности. Любое художественное произведение — не более чем вымысел, продолжал он, и в этом смысле жанр фэнтези даже более честен, чем реализм.

Эдди остановился на том, что чаще всего творения в стиле фэнтези и хоррора — обычная пачкотня, созданная творчески ограниченными авторами со скудным воображением. А если еще и сюжет изначально плох... Бывает, что месяцами ждешь свежей идеи, запоминающегося персонажа или яркого стилистического приема.

Впрочем, так было всегда, заметил он. Какую область ни возьми, — везде засилье дилетантов, которым в жизни не добиться успеха. Конечно, никто не запрещает пробовать и ошибаться, учиться на собственных промахах и пытаться снова. Порой стоит наклониться — и в песке под ногами неожиданно сверкнет драгоценный камень. Эдди рассказал присутствующим о Клайве Баркере и Келли Линк, о Стивене Галлахере и Питере Килрю, не забыв о «Мальчике с пуговицами».

Так или иначе, напомнил он себе, ничто не сравнится с восторгом, который испытываешь, вдруг наткнувшись на нечто действительно ценное и волнующее. Ни на что не променяю это со-